

Шелковицу сажать просто: Шэнь Цинжаню нужно было лишь вткнуть ветви в землю, даже ямки копать не пришлось. Он быстро обошел вокруг мазанки и у самого забора часто-часто наткал черешков с почками — если не присматриваться, и не заметишь.

Пройдет совсем немного времени, и эти плодоносные шелковицы пустятся в рост, вытянутся и превратятся в пышную двухметровую зеленую стену, укутавшую хижину. А уж тогда он как-нибудь объяснит всё Сюэ Фэйфэну.

Шэнь Цинжань раскрыл ладони — на них темнели синевато-бурые пятна сока. Он тут же подышал на них и принялся усердно тереть об одежду.

Сюэ Фэйфэн ведь устраивал им (рукам) ежедневную проверку!

Если бы не посторонние помехи, такая жизнь была бы именно тем, о чем он всегда мечтал.

Система: «Два му картофеля и один му шелковицы принесли триста баллов. Ваш долг в пять тысяч баллов истекает через 25 дней, сумма с процентами составляет 5500 баллов. Текущий баланс: -5200.»

— Выходит, за эти два дня я даже проценты не отработал?! — ужаснулся Шэнь Цинжань.

А у него, между прочим, и земли-то больше не осталось.

Система подсказала, что Шэнь Цинжань может заняться освоением целины.

В деревне Лицзяцунь была Каменистая гора — сплошной голый камень, где ничего не росло. Шэнь Цинжань мог бы засадить ее хвойными деревьями вроде сосен и елей.

— И ты думаешь, что с моими руками я смогу копать камень? — возмутился Шэнь Цинжань.

В обычное время он голой рукой разве что ямку выкопает, а тут на каменистой почве — как вообще сажать?

Постой-ка... Шэнь Цинжаню внезапно пришло в голову: для крупных растений вроде деревьев саженцы, конечно, предпочтительнее, но ведь никто не обязывает использовать именно саженцы! Можно обойтись и семенами!

Шэнь Цинжань придумал просто гениальный план и в таком восторге мгновенно забыл предупредить Сюэ Фэйфэна.

Он прибежал к подножию Каменистой горы и взглянул наверх: пик вздымался круто к небу, усыпанный причудливыми скалами, подъем на него был почти отвесным. Давным-давно здесь была каменоломня, но деревне много камня не требовалось, а возить на продажу — слишком долго и хлопотно. К тому же местный камень отличался скверным качеством: был слишком хрупким. Со временем каменоломню забросили, и сюда почти никто не поднимался.

Шэнь Цинжань потер руки, подбадривая себя: чем неприступнее гора, тем выгоднее для его задумки.

С этой мыслью Шэнь Цинжань стиснул зубы и двинулся вверх по тропе. Преодолев около двухсот метров, он уперся в тупик — дальше дороги не было: вершина состояла из сплошного камня, прокладывать там тропу никому и в голову не приходило.

Шэнь Цинжань немного поколебался, но вспомнил о своих астрономических долгах и понял:

придется карабкаться дальше.

Длинные, тонкие пальцы впились в каменную стену, жилки на них натянулись до предела — он не смел расслабиться ни на миг, ногти даже побелели. Шэнь Цинжань старался не смотреть вниз на опасную пропасть, уткнувшись взглядом исключительно в скалу перед собой и изо всех сил обдумывая каждый шаг, чтобы не упереться посреди пути в непреодолимую кручу.

Взобравшись на самую вершину, Шэнь Цинжань первым делом подумал: «Ого, какой свирепый ветер! Ну и холод!»

А второй мыслью было: «Впрочем, чем сильнее дует, тем лучше!»

Он нашел камень по центру, уселся и, стуча зубами, вызвонил систему. Казалось, еще мгновение — и его, словно бумажного змея, подхватит и унесет вниз с горы.

— Давай мне шишки и прочие семена, я буду сажать, — серьезным тоном произнес Шэнь Цинжань. — Сосны и ели — товар не ограниченный по времени, да и получение плодов тут не цель. По моим догадкам, вам нужно повышение выносливости деревьев — то есть способность выживать в суровых условиях и удерживать почву и воду.

Система: «Все верно.»

— А значит, пока они прорастают, пускают корни и успешно выживают, баллы будут засчитываться вне зависимости от сроков! — опередил ее Шэнь Цинжань. — Не у всех семян идеальные условия для роста. Если речь о деревьях, нам нужно отобрать сорта, которым проще прорасти прямо на камнях.

Система чуяла недоброе.

И точно — Шэнь Цинжань продолжил:

— Из семечка, выроненного птицей из клюва, может вырасти целый лес! Это доказывает, что подобный метод — тоже вполне себе вариант посадки.

Шэнь Цинжань поторопил систему с выдачей семян. Сам он уселся на пике вершины — ему даже руками шевелить почти не требовалось: подхваченные ветром и крутым уклоном, семена сами весело скакали и катились вниз. Все, что от него требовалось, — время от времени менять угол, чтобы засеять всю гору.

Системе нечего было возразить, и она принялась щедро выдавать семена: «Смешанные семена деревьев для защитных лесных полос Программы «Великий северный зелёный щит (стена)»: вяз, тополь, ива, акация. Селекционная цель: повышение устойчивости к ветру, засухе, песку и засолению почвы. Награда: пятьдесят тысяч баллов.»

Глаза Шэнь Цинжана вспыхнули:

— На этой горе ничего не растет, условия ужасные. Все, что сможет прорасти и выжить, пройдет через жесткий естественный отбор — цель точно будет достигнута!

Поскольку государство придавало особое значение проекту защитных лесов «Великий северный щит», наградные баллы взлетели до небес.

Шэнь Цинжаня охватил патриотический порыв и благородная гордость. Он зажмурился,

моргая, чтобы смахнуть попавшую в глаза пыль. Если селекция даст плоды и он внесет свой скромный вклад в проект «Великий северный щит», его строгие и праведные отец с братом, увидев об этом новости, наверняка порадуются, верно?

Выходит, и от него есть хоть какая-то польза.

Разнообразные семена возникали прямо из пустоты возле него и под порывами капризного ветра летели вниз по склонам. Одни застревали в каменных трещинах, кротко дожидаясь часа прорости, другие катились дальше, усыпая скалистую поверхность в ожидании очередного порыва.

Поскольку посадка считалась засчитанной, только если проходила через его руки, Шэнь Цинжаню приходилось чисто символически касаться семян ладонью перед тем, как ветер уносил их. Поначалу все было нормально, но спустя четыре часа его ладони сплошь покраснели и распухли. Теперь любое прикосновение даже песчинки отзывалось колющей болью.

Шэнь Цинжань пытался отвлечься, мысленно подсчитывая площадь горы: «Как ни крути, а тут добрых двадцать му — оно того стоило!»

Система напомнила: «Посаженными считаются только те семена, что застряли в щелях.»

Шэнь Цинжань въедливо возразил:

— Если они не попали туда сейчас, но через пару дней их задует ветром — будь добра, засчитай их тоже!

В итоге он просидел на вершине шесть часов. Из-за сильного ветра площадь посева составила целых двадцать пять му, а долг перед системой сократился до 2700 баллов.

Кончик носа у Шэнь Цинжаня покраснел от холода, он начихал сто раз, а на щеках проступил яркий, праздничный румянец, прямо как у жителей высокогорья. Он выбился из сил и проголодался, тысячу раз пожалев, что не прихватил с собой хоть какую-то еду.

Обменять у системы?

Шэнь Цинжань даже помыслить об этом больно боялся: он же спину гнул ради того, чтобы вернуть долг за арбуз! Если опять потратится — весь день коту под хвост.

Поморщившись от боли, он потер пальцы, пытаясь согреться, и, точь-в-точь как ребенок, съезжающий с горки, прижался животом к скале и пополз вниз.

Он и помыслить не мог, что спуск окажется в разы опаснее подъема!

Те самые каменные трещинки, за которые раньше можно было зацепиться пальцами ног, теперь сплошь забились семенами всех мастей — встать было ровным счетом некуда. А шероховатая скалистая поверхность оказалась усыпана россыпью семян, так что зацепиться было невозможно.

Шэнь Цинжань на собственной шкуре ощутил смысл поговорки «что посеешь, то и пожнешь»: на нескольких крутых склонах он просто соскальзывал вниз.

К счастью, на опасных поворотах скопились целые сугробы из семян, которые смягчали

падение, так что он хотя бы не зашибся до полусмерти.

Он ушел из дома около полудня, а сейчас уже смеркалось. Шэнь Цинжань до того прозяб, что суставы ломило, зубы чеканили дробь, и даже стонать от боли не было сил.

Шэнь Цинжань присел передохнуть, мечтательно думая: вот бы закрыть глаза — и бац, уже дома.

Внезапно сквозь вой ветра до него донесся тревожный голос, звучавший все отчетливее и громче.

Шэнь Цинжань встрепенулся, точно смертельно больной перед кончиной: Сюэ Фэйфэн! Сюэ Фэйфэн пришел искать его!

Слыша, как голос Сюэ Фэйфэна звенит от отчаяния и жестокого гнева, Шэнь Цинжань приоткрыл рот: эх, кабы он мог ему ответить!

Шэнь Цинжань мгновенно воскрес. Раз выкликнуть он не в силах, нужно срочно спешить навстречу, чтобы тот не изводился тревожбой.

Пока Шэнь Цинжань на полусогнутых спотыкался и катился с горы, Сюэ Фэйфэн как раз собрался подниматься вверх.

Увидев, как из-за скалистой расщелины выкатывается нечто круглое и неуклюжее, Сюэ Фэйфэн на мгновение подумал, что это белый медведь.

Присмотревшись, он понял, что это Шэнь Цинжань, усевшийся на землю и тяжело вздыхающий.

Шэнь Цинжань надул губы: он опять поскользнулся на шишках, скатившихся к подножию! Вот уж истинно — пожадничал, захотел засадить всю гору, а в итоге извазюкался и расшибся в пух и прах.

— Шэнь Цинжань! — Сюэ Фэйфэн одним стреловидным скачком очутился перед ним. С налитыми кровью глазами он оглядел его обшарпанный, плачевный вид, без лишних слов скинул с себя верхнюю одежду, укутал Шэнь Цинжаня и присел перед ним: — Забирайся.

Сюэ Фэйфэн даже не спросил, чем тот тут занимался.

Но Шэнь Цинжань отчетливо понимал: Сюэ Фэйфэн находится на грани взрыва. Он потянул Сюэ Фэйфэна за руку, пытаясь объяснить.

Сюэ Фэйфэн взглянул на его растрескавшиеся и распухшие от холода, словно свиные копытца, ладони — они ощущались ледышками. Сжав сердце, он смахнул его руку и лишь повторил:

— Забирайся!

Шэнь Цинжань послушно прижался к нему со спины, сметливо спрятав обе «копытца» у себя на груди.

Пропал... Сюэ Фэйфэн, видать, разозлился не на шутку!

Шэнь Цинжань подумал-подумал и решил использовать широкую, крепкую спину Сюэ Фэйфэна вместо грифельной доски, принявшись чертить иероглифы прямо сквозь тонкую ткань одежды.

Главное — перехватить инициативу!

«Я утром хотел немного размяться, услышал, что на Каменистой горе народу мало, вот и пошел туда размяться, — выводил Шэнь Цинжань, мешая правду с вымыслом. — А кто ж знал, что подняться легко, а спуститься — мука! Я долго не смел ползти вниз, вот и проковырялся дотемна».

«Ты только не ругайся, — кротко, точь-в-точь послушная женушка, добавил он. — Я боюсь».

Сюэ Фэйфэн, мчавшийся с помощью легкого шага и несший Шэнь Цинжаня на спине, внезапно замер как вкопанный. Шэнь Цинжань с размаху ткнулся лбом ему в затылок.

— Ругаться? — хрипло произнес Сюэ Фэйфэн. — Шэнь Цинжань, ты хоть понимаешь, как я боялся, что ты застряла где-то... и даже если бы я звал тебя трое суток напролет, ты, будучи немой, не смогла бы выкрикнуть мне ни слова в ответ?

Сердце Шэнь Цинжаня болезненно сжалось. Какой же он эгоистичный «немой»...

— Я не в укор твоему немому состоянию, — почувствовав, что Шэнь Цинжань дрожит, торопливо пробормотал Сюэ Фэйфэн. Он не стал больше ничего говорить: сейчас перво-наперво нужно было донести ее домой и согреть.

Сюэ Фэйфэн сегодня нанял людей починить кан в комнате Шэнь Цинжань, провозился с мастерами подольше и на время упустил того из виду. Когда кан наконец истопили до приятного тепла и Сюэ Фэйфэн пошел звать Шэнь Цинжань опробовать его, той и след простыл.

Он изрыл всю деревню, едва не схватился за меч, чтобы устроить допрос каждому, у кого были трения с Шэнь Цинжань. Но никто ее не видел. Тогда Сюэ Фэйфэн отправился искать в горы — ему и в голову не приходило, что Шэнь Цинжань попрется на ту дикую, опасную Каменистую гору. И когда он уже без всякой надежды побрел туда, то увидел измазанную и исцарапанную Шэнь Цинжань, которая ползла вниз, шмыгая носом и уверяя, будто застряла и боится спускаться.

Сюэ Фэйфэн злился на самого себя еще больше. Кабы он сразу пошел на Каменистую гору, то снял бы Шэнь Цинжань целой и невредимой намного раньше!

В тот день Сюэ Фэйфэн затащил Шэнь Цинжаня в постель, заковал в одеяла и допросил, словно преступника, уверившись, что кроме царапин тот не подхватил никакой простуды или лихорадки.

— Шэнь Цинжань, я хочу, чтобы ты дала мне слово: чтобы подобного больше не повторялось, — Сюэ Фэйфэн при этих словах напоминал пороховую бочку, готовую рвануть от малейшей искры.

В решающий миг Шэнь Цинжань пошел на попятную и заколебался. Ведь у него оставалось столько нерассказанного прошлого, необъяснимая система и семена непонятного происхождения.

А когда спустя некоторое время Шэнь Цинжань все же кивнул, Сюэ Фэйфэн уже ему не поверил.

Они застряли в хрупкой, неловкой тишине, но быт шёл своим чередом. Сюэ Фэйфэн по-прежнему готовил ему еду, а в первые дни, когда у Шэнь Цинжаня болели пальцы и тот не мог

удержать палочки, даже кормил его с рук; видя, как тот пытается выжать полотенце, молча отбирал и выжимал сам.

Шэнь Цинжань и подумать не мог, что из-за этого огородничества между ними возникнет столько раздоров. Временами ему казалось: «Будь я обычным дармоедом, Сюэ Фэйфэн, пожалуй, души бы во мне не чаял всю жизнь».

Он пребывал в редкой растерянности. Даже система в эти дни сидела ни жива ни мертва и не дергала его с посадками — боялась, что ляпнет лишнего и Шэнь Цинжань вовсе бросит это дело.

Крышу в комнате Сюэ Фэйфэна залатали, так что спать по ночам они стали порознь.

Без привычной вечерней возни за место на полу перед сном Шэнь Цинжань ощущал некую нехватку. В поля он больше не порывался — да и сеять было негде, — а потому от безделья решил заняться разведением грибов.

В его комнате вдоль всех стен теснились мешки с грибным мицелием. Из них уже повсюду пробивались крошечные белые шляпки.

В воздухе поплыл тяжелый дух прелой сырой земли. Шэнь Цинжань зажал нос.

Ему показалось, будто он вернулся в самый первый день своего появления здесь, когда в комнате нечем было дышать.

Спасите! Он уже тысячу раз пожалел, что связался с грибами!

Интересно, а он еще может попроситься поспать в комнате Сюэ Фэйфэна?

Десятого числа двенадцатого месяца деревенские женщины собрались вместе стряпать новогодние пирожки няньгао.

Готовили на большой печи в родовом храме клана Ли: толпой выходило куда быстрее, а готовую выпечку делили поровну на все дворы.

Шэнь Цинжань, как новый житель деревни Лицзяцунь, не хотел слишком выделяться и дерзить. В конце концов, когда появятся семена второго поколения, ему еще вместе с ними всеми предстоит пахать.

Тетушка Чжан ушла в город за новогодними товарами, а от ее семьи пришла сноха — человек тихий, у которого не хватило бы духу заступиться за Шэнь Цинжаня.

Так что Шэнь Цинжань с его худшей репутацией во всей деревне Лицзяцунь предсказуемо оказался в изгойском положении.

— Цинжань, ты у нас сильная, поди-ка накопи дров! Если с чем не согласна — говори прямо, у нас тут все дружно няньгао делают! — беззастенчиво соврали бабы.

Шэнь Цинжань про себя: «Смотри, как бы я рот не открыл да не напугал тебя до смерти!»

Впрочем, толпиться с кучей баб у стола и лепить пирожки ему и самому не хотелось. Да и с точки зрения пола колоть дрова ему подходило лучше всего.

В итоге всю самую грязную и тяжелую работу свалили на него. Шэнь Цинжань за полдня не

сумел доколоть и одной охапки. Сидевшая неподалеку без дела тетка тут же принялась честить его на чем свет стоит: мол, ни к чему-то она не пригодна, даже дров наколоть не в состоянии!

Такая праведная наглость заставляла Шэнь Цинжаня сомневаться, а не раскрыли ли его переодевание в женское платье. Иначе с чего бы среди пары десятков человек именно его запрягли таскать воду да колоть дрова?

На поверхностный взгляд это казалось жутко несправедливым. Но если вникнуть в суть — Шэнь Цинжань являлся единственным мужчиной среди собравшихся, так что из джентльменских соображений ему и впрямь следовало взять основное бремя на себя.

Вот только на душе было обидно. Эдакая особая обида, сберегаемая исключительно для Сюэ Фэйфэна.

Он кротко вогнал лезвие топора в чурку, размышляя: у Сюэ Фэйфэна копка да колка дров выходит так легко и просто, а у него почему не заладилось?

Собрался с духом, высоко занес топор, намереваясь разрубить чурбан одним махом и утереть нос этим трепловатым бабам.

Кто же знал, что он не рассчитает прицел! Топор вильнул в сторону и сорвался прямо к его подъему стопы.

В мгновение ока чья-то крепкая рука мертвой хваткой перехватила топорщице.

Шэнь Цинжань мгновенно разжал пальцы и, точно повинувшись чутью, вскинул голову. Сюэ Фэйфэн стоял с темнее тучи лицом — казалось, он готов был собственноручно порубить на куски тех, кто заставил Шэнь Цинжаня колоть дрова.

Увидев, как Шэнь Цинжань без лишних раздумий сразу бросил топор, Сюэ Фэйфэн подумал: «А если на моем месте оказался кто другой, ты бы тоже вот так разжала руки?!» — и его лицо потемнело еще пуще.

<http://bllate.org/book/17933/1989755>